

Чуньнян поманила Сы Вэя пальцем, показывая, чтобы тот подошёл ближе. Затем, слегка вскинув подбородок в сторону сцены, негромко произнесла:

— Если бы не её вечное упрямство и недовольство всем вокруг, она бы никогда не покатилась под откос и не оказалась там, где находится сейчас. Но раз уж она взялась за ум — это к лучшему. Судя по сегодняшней репетиции, те пятьдесят лянов, что я тебе обещала, считай, наполовину у тебя в кармане. Вторая половина зависит от того, как она покажет себя на банкете в канун Нового года, — Чуньнян говорила неторопливо, взвешивая каждое слово. — Стоит ей выложиться так же, как сегодня, и дело сделано. Ну а если она сумеет приглануться столичному гостю, то получит гораздо больше пятидесяти лянов.

Она слегка подалась вперёд, лениво опершись на подлокотник кресла и заглядывая Сы Вэю в глаза. Она лукаво усмехнулась.

— Своей волей я накину тебе сверху ещё пятьдесят лянов. Что скажешь?

Услышав это, Сы Вэй мгновенно насторожился.

Народная мудрость гласит, что глупо отказываться от наживы. Однако за иные деньги приходится расплачиваться собственной головой.

Пристроить Цзиньли к высокопоставленному покровителю — значит либо помочь тайному хозяину Башни Весенней реки обзавестись полезными связями, либо подсадить к вельможе соглядатая. Так или иначе, такие люди, как Чуньнян, никогда не действуют себе в убыток. Если она предлагает столь щедрую сумму, для неё эта сделка безусловно выгодна.

Но сам-то Сы Вэй — всего лишь нищий мальчишка без роду и племени. Случись что, его жизнь не оценят и в медный грош, не говоря уже о сотне лянов серебра. И всё это — лишь плата за то, чтобы свести Цзиньли с пресловутым «знатным господином». Вода здесь была слишком мутной. Настолько, что такого беззащитного заморыша, как он, утянет на дно в мгновение ока — он даже пикнуть не успеет.

Сы Вэй искоса взглянул на Чуньнян и решительно покачал головой:

— Десять лянов для меня — целое состояние, а от пятидесяти я и подавно не откажусь. Но сотня... На эти деньги можно купить столько гробов, что хватит похоронить меня раз пятьдесят.

Посмотрев на хозяйку, он заговорил так же размеренно и спокойно, подражая её манере:

— Такое серебро слишком обжигает пальцы. Я не посмею к нему прикоснуться.

Отказ Сы Вэя ничуть не уязвил самолюбие Чуньнян. Она лишь понимающе кивнула:

— Что ж, разумно. В мире полно глупцов, которые мнят себя невесть кем, едва нахватавшись вершков. Людей с твоей рассудительностью сейчас днём с огнём не сыщешь. Пусть будет твою. Не хочешь — не настаиваю.

Больше она к этой теме не возвращалась. Откинувшись на спинку кресла, Чуньнян вновь устремила взгляд на сцену, где танцевала Цзиньли.

На сцене темп игры на пипе стремительно нарастал. Силуэт Цзиньли посреди помоста слился в единый размытый вихрь, и лишь широкие, колышущиеся полы её платья взмывали в воздух, закручиваясь пенными волнами, подобно распускающемуся бутону.

Внизу, у подножия сцены, музыканты трудились не покладая рук. В жарко натопленном здании Музыкальной мастерской с них уже градом катил пот, но они ни на миг не сбавляли темпа, ведя мелодию, которую Цзиньли так долго и кропотливо доводила до ума. Пустозвучные переливы медных цимбал сплетались с хрустальным звоном литофонов; цитра рассыпалась мириадами сверкающих брызг, а тяжёлый рокот янция задавал глубокий ритм. Сквозь это буйство звуков величественной нитью вела своя партия пипы, воссоздавая в воображении слушателей картину былого имперского величия.

И посреди этого сияющего великолепия кружилась женщина — та, что танцевала на пике безудержного веселья, отдавая всю душу искусству, но в итоге осталась наедине с неизбывной тоской, испив до дна последнюю чашу земных горестей.

Финальный аккорд затих. Цзиньли грациозно опустилась на колени, склонив голову к полу. Едва последние отзвуки растаяли под сводами зала, раздались неторопливые, но искренние хлопки Чуньнян.

Пока длился танец, в здание Музыкальной мастерской незаметно набилось много народу. Из-за ширм, где переодевались артистки, высыпали молодые воспитанницы лет тринадцати-четырнадцати. Стоя у края сцены, они заворожённо досматривали последние движения Цзиньли.

Чуньнян окинула собравшихся внизу девушек холодным взглядом. Когда она заговорила, её голос зазвучал отчётливо и сурово, словно зимняя наледь, не успевшая растаять в чаше с горячим чаем:

— Танец Цзиньли мы пока побережём. На банкете в канун Нового года она выйдет на сцену ровно тогда, когда придут важные гости. И раз уж все здесь собрались, я скажу прямо, без утаек! Кем бы вы ни были в прошлом и что бы ни ждало вас впереди, сейчас вы все — пленницы Башни Весенней реки, и у каждой за плечами горькая доля. Если у кого-то из вас хватит ума и таланта вырваться из этого пекла, я, Фэн Чуньнян, препятствовать не стану. Любой путь на свободу — это спасение, и это тысячекратно лучше, чем сгноить свою молодость и плоть в этом вертепе.

Её лицо стало ещё суровее:

— Но сумеете ли вы заставить кого-то вытащить вас из этой грязи — зависит только от вашего усердия. Прежде чем строить воздушные замки, спросите себя: способны ли вы показать всё своё мастерство? И подумайте хорошенько, с какой стати ветреному, непостоянному мужчине выбирать именно вас? Чем вы это заслужили? Номер Цзиньли я ставлю ключевым на Банкет в канун Нового года. Во-первых, сказывается её опыт. Во-вторых, мне хочется посмотреть, сможет ли кто-нибудь из вас подготовить нечто более изысканное. Если отыщется достойная соперница, я без колебаний отдам ей право закрывать праздничный вечер. Скрывать не стану: на этот раз соберутся богатейшие купцы со всей страны, а может, заглянут и праздные отпрыски знатных семей, и столичные повесы. Шанс у вас есть. Но сумеете ли вы ухватиться за него — покажет только ваше мастерство!

В зале воцарилась мёртвая тишина. Никто не смел издать ни звука. Влияние и власть Чуньнян в Башне Весенней реки были непререкаемы.

Раздался резкий фарфоровый стук — Чуньнян небрежно швырнула крышку от пиалы на лакированный столик. Белый кругляк сухо завертелся на дереве и лишь через несколько секунд замер.

Сделав глоток остывшего чая, Чуньнян облегчённо вздохнула. Она проводила взглядом Цзиньли, которая, придерживая подол платья, сходила со сцены в сопровождении Цинлу с пипой в руках. Заметив стоявшую поодаль воспитанницу в свежем наряде, хозяйка небрежно кивнула ей:

— Ладно, следующая. Минъюй, на сцену.

Девочка всполошилась и, путаясь в длинных юбках, поспешно засеменила к помосту.

Чуньнян повернулась к Сы Вэю:

— Ступай. Передай Цзиньли, пусть хорошенько отдохнёт эти пару дней и бережёт силы для банкета. И насчёт того зеркала и помощников, о которых Цинлу договаривалась с госпожой Лю... завтра с утра всё будет у вас.

Сказав это, Чуньнян потеряла к мальчику интерес и небрежным взмахом руки велела ему удалиться.

— Слушаюсь, матушка, — шутливо отозвался Сы Вэй.

Этот странный, непривычный ответ заставил Чуньнян нахмуриться и недоумённо посмотреть ему вслед, но она тут же отвернулась, переключив внимание на сцену.

Обитательниц в заведении числилось немало. Помимо сольных выступлений вроде того, что готовила Цзиньли, планировались и групповые танцы с участием местных воспитанниц, а

также выходы совсем юных учениц, которых здешние наставники усердно натаскивали к празднику.

Где собирается толпа женщин, неизбежно возникают группировки, а где есть группировки, там закипает вражда. Честь наставников, будущее юных артисток, порядок выхода на сцену, влияние в доме и щедрость будущих подношений... Интриг и мелких пакостей здесь плелось ничуть не меньше, чем на репетициях провинциальных театров.

Лишь Цзиньли, растерявшая былую славу куртизанка, держалась особняком и никогда не водила дружбы со здешними учителями. Она пришла в Башню Весенней реки уже обученной искусству, успев до этого вкусить столичной жизни в самом Приказе придворной музыки. Попав в уезд Цзю, она сразу заняла высокое положение, из-за чего между ней и местными не раз вспыхивали раздоры. Впрочем, жила она в уединённом саду, а наставники обитали в главном корпусе, так что сталкивались они нечасто.

Как говаривала Цинлу, здешние учителя хоть и мнили себя непревзойдёнными мастерами, на деле кормились исключительно за счёт чужого труда. Они учили девушек лишь основам, в то время как истинное мастерство те постигали сами. Ишь чего захотели: и лицо своё «чистым» уберечь, не пачкаясь о ремесло куртизанок, и авторитет наставнический сохранить, и денежки при этом грести лопатой! Разве бывает в жизни такая лафа?

Каждая титулованная девица в Башне Весенней реки была живой золотой жилой для заведения. А эти затворники из Музыкальной мастерской — пустое место по сравнению с любимицами матушки-бандерши.

Цзиньли постояла в зале ещё немного, рассеянно понаблюдала за выступлениями других артисток, а затем позвала Цинлу и Сы Вэя обратно в Павильон Туманов.

Смотр у Чуньян состоялся двадцать седьмого числа двенадцатого лунного месяца. Пока хозяйка отсматривала остальных девиц, незаметно подкрался тридцатый день — канун Нового года.

В эти дни по всему уезду то и дело устраивали праздничные приёмы, и в Башне Весенней реки работа закипела с удвоенной силой. Те куртизанки, у которых выдался свободный час между выездами к богатым покровителям, без усталости репетировали у себя в комнатах. Остальные же — служители борделя, слуги и маленькие семилетние девчушки, пригодные лишь для побегушек, — суетились, развешивая по всему заведению красные фонари и праздничные ленты. Праздничная лихорадка постепенно захлестнула весь дом.

Благодаря Цзиньли, Сы Вэй тоже обзавёлся новым нарядом. Одежда была довольно простой и неброской, что его вполне устраивало. В конце концов, он не был настоящей девчонкой, и нарядись он яркой новогодней игрушкой, его бы просто стошнило от стыда.

Сы Вэй шёл впереди с бумажным фонарём в руке, указывая дорогу Цзиньли. Они медленно продвигались по длинным, занавешенным шёлком галереям в сторону главного банкетного

зала, откуда уже доносились шум и яркий свет.

Позади него в мягком, приглушённом свете настенных светильников шла Цзиньли. Чуньян не пожалела денег и выписала для неё из лучшей лавки великолепное платье, которое дополнили изящные серьги с жемчугом и усыпанные самоцветами золотые шпильки в волосах. В полумраке коридоров она казалась сошедшей с небес прекрасной богиней.

Эта роскошь стоила немалых денег, но и эффект превосходил все ожидания. Даже у Цинлу, шедшей следом при полном параде, в руках была лучшая пипа заведения с чистейшим, хрустальным звуком, которую лично отобрала Чуньян.

Когда они миновали боковые ворота, стоящая на часах служанка поспешно перехватила фонарь из рук Сы Вэя. Мазнув взглядом по великолепному убранству Цзиньли, она не смогла сдержать мимолётного вздоха зависти, но тут же вспомнила о поручении хозяйки:

— Матушка велела госпоже Цзиньли подняться на второй этаж и ждать там. Для вас приготовили ширму, чайный столик и лёгкие закуски. Если проголодаетесь — угощайтесь, но знайте меру, чтобы потом не возникло лишних хлопот перед выходом на сцену. Как только пожалует важный гость, матушка пришлёт за вами.

Цзиньли, прекрасно знакомая с подобными правилами, лишь едва заметно кивнула. Обойдя расписную ширму, она уверенно двинулась к скрытой за шёлковыми портьерами лестнице, даже не взглянув на Сы Вэя.

На втором этаже имелся отдельный спуск прямо к сцене. Там же находился небольшой закуток, отгороженный полупрозрачным шёлком, где для них приготовили мягкие подушки и резные табуреты. Втроём они устроились на отдых.

Не успели они обменяться и парой фраз, рассуждая о том, что Банкет в канун Нового года затянется на две ночи и сегодня лишь самое начало, как со стороны потайной лестницы донёсся торопливый топот ног. К ним запыхавшись подбежала молоденькая служанка:

— Быстрее, быстрее! Матушка велела передать: пожаловали почтенные гости! Как только девица Чуян закончит своё выступление, следующей на сцену выходит госпожа Цзиньли!